

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КОНТИНУУМ ПОНЯТИЙ «ТВОРЧЕСТВО» И «ОДИНОЧЕСТВО»

Качай И.С.

Научный руководитель д-р филос. наук Круглова И.Н.

Сибирский федеральный университет

Феномен одиночества в аспекте философского рефлексийного осмысления не может являться негативным понятием, под которым, как правило, понимается то, без преодоления чего процесс развития личности становится невозможен, в то время как одиночество зачастую в значительной степени способствует творческому и духовному росту индивидуума. Когда человек погружается в экзистенциальную тишину одиночества, у него возникает глубинная интенция мыслить *вне-времени*, осуществлять поиск «*другого*» внутри самого себя. В этом смысле одиночество на глубинно-личностном уровне задаёт когнитивную связь между людьми посредством онто-гносеологического обращения человека к собственной индивидуальности.

Не случайно М. Бубер, основоположник диалогического персонализма, определял «одиночество» в тесной связи с сущностью человеческого бытия вообще и полагал, что именно одиночество развёртывает в человеке способность к самосознанию. Только в состоянии *за-брошенности*, в опустошающем *бездомном* одиночестве человек может «встретиться с самим собой, в собственном «Я» увидеть человека, а за собственными проблемами – общечеловеческую проблематику»; только «в ледящей атмосфере одиночества человек со всей неизбежностью превращается в вопрос для самого себя» [3, С. 164].

По мысли Бубера, человек наличествует в пограничном состоянии между социальной и космической бездомностью: «Личность чувствует себя одновременно и подкидышем природы, брошенным, подобно нежеланному ребёнку, на произвол судьбы, и изгоем посреди шумного человеческого мира» [3, С. 177]. Выходом из такого экзистенциального противоречия не может служить ни индивидуализм, поэтизирующий состояние одиночества, ни коллективизм, растворяющий человека в толпе. Единственным верным решением является так называемая сфера «Между», «на которой происходит встреча Я и Ты» [5, С. 82], только в рамках которой «человек способен адекватно проявить свою сущность, исполнить своё предназначение» [6, С. 76].

В истории философской мысли проблема одиночества наиболее остро высветилась в XIX веке в трудах американских трансценденталистов, признававших за человеческой сущностью необъятный духовный мир, подверженный, однако, антропологической эрозии со стороны обыденного сознания. Так, мыслитель-аболиционист Г.Д. Торо трактовал одиночество как *уединённость* с природой, как «единство с величественным космосом» [5, С. 86] и выступал против понимания одиночества как болезнетворного одиночества-в-толпе, оторванного от природы, от источника жизни. По мнению Торо, каким бы ни был социум, он «скоро утомляет и отвлекает от серьёзных дум» [11, С. 89], и лишь одиночество-уединённость способно актуализировать «*творческий потенциал* личности, для развития духовного мира которой необходима концентрация и защита от цивилизации, несущей с собой усреднение, господство конкуренции и утрату духовности» [1].

Линия экзистенциальной философии в лице Х. Ортега-и-Гассета и Ж.-П. Сартра последовательно проводит мысль об априорном характере одиночества. Однако если первый утверждает, что человек *принципиально* одинок по причине того, что не

способен как отдать, так и принять даже крупницы своего или чужого «Я», то второй постулирует одиночество как неспособность переложить ответственность за свои поступки на другого человека.

Ортега-и-Гассет мыслит *одиночество-неслиянность*: «Человеческая жизнь... именно в силу своей неотчуждаемости по сути есть одиночество, *изначальное* одиночество» [7, С. 262], заставляющее человека самостоятельно конструировать, созидать связи и отношения с социокультурной действительностью, творчески воспринимать и преображать мир, выстраивать и обретать единство «принципиально неслиянных существований» [5, С. 90], исходя, прежде всего, из своего личностного «здесь».

Сартр говорит об *одиночестве-ответственности*, поскольку человек обречён быть свободным в осуществлении своего выбора, а свобода имманентна личности: «Мы одиноки, и нет нам извинений» [9, С. 327]. Из этого следует, что человек обречён и на самостоятельность творческого смыслополагания как единственного способа бытия. В целом, человек характеризуется Сартром как *то, что он не есть*, и как *не то, что он есть*. Это означает, что в состоянии фундаментального недовольства миром, в период разлада с собственной личностью человек стремится выйти за границы своего «Я», чтобы найти избавление от страданий в другом человеке, вместо того, чтобы обрести истину в своём одиночестве.

Вполне естественным представляется критический настрой человека как по отношению к себе, так и по отношению к действительности в её перводанном виде: «Он [человек] пытается всё стремительней и дальше уйти от природы, создавая качественно новую реальность» [8, С. 14] посредством творчества. В этом смысле поиск-в-другом а priori иллюзорен, подобен бесконечной погоне за собственной тенью. Такого рода *бытие-для-другого* приводит лишь к мучительному одиночеству вместо одиночества творческого и продуктивного, глубинного одиночества-в-себе.

Фундаментальная априорность духовного одиночества произрастает в том числе и из физической отделённости человека, о чём в своё время писал теолог П. Тиллих: «Быть живым означает быть телесным – телом, отделённым от всех других тел. А быть отделённым означает быть одиноким... Он [человек] не просто одинок; он *знает* о своём одиночестве... Такова судьба человека – быть одиноким и сознавать это» [10, С. 161].

Современные исследователи У.А. Садлер и Т.Б. Джонсон, помимо выше указанных классификаций одиночества (одиночество-бездомность М. Бубера, одиночество-уединённость Г.Д. Торо, одиночество-неслиянность Х. Ортега-и-Гассета, одиночество-ответственность Ж.-П. Сартра) предлагают свою модель градуирования, исходя из различных модусов одиночества. В частности, они выявляют космическое, культурное, социальное и межличностное одиночество. Однако данные «концептуальные квартеты» целесообразно расширить, привнеся пятый, важнейший элемент в понимании природы одиночества – творческую составляющую как генерализирующую экзистенциальную основу одиночества.

Так, Э. Фромм писал о том, что одиночество может развёртываться через погружение в творческую деятельность, объединяющую человека с миром. Однако при таком соитии человек отнюдь не утрачивает собственного «Я». Напротив, он сковывает себя творческими узами со своим одиночеством. Более того, важнейшим выходом из экзистенциального пессимизма одиночества Фромм считает любовь как искусство, как творчество, ведь любовь есть «путь преодоления отделённости людей друг от друга» [5, С. 174].

Об экзистенциальном тождестве одиночества и внутреннего духовного диалога говорил ещё Н.А. Бердяев, отдававший творчеству в этом процессе преобладающие

позиции: «Через момент одиночества рождается личность, самосознание личности... «Я» одинок и в этом остром и мучительном чувстве одиночества переживаю свою личность, свою особенность, свою единственность, неповторимость, своё несходство ни с кем и ни с чем на свете» [2, С. 85].

Отечественный философ Н.В. Хамитов, обобщая взгляды многих мыслителей касательно феномена одиночества, также определяет любовь как творческий поиск уникального идеала внутри человека и полагает, что одиночество есть «условие обретения любви, и смысл одиночества – только в любви, ибо только любовь превращает одиночество в свободу и творчество» [12, С. 9]. По его мнению, одиночество всегда соприкасается с творчеством, однако «творчество, порождённое любовью, всегда выходит за пределы субъективной значимости», ведь «любовь соединяет нас со всем миром и делает значимыми для всего мира», а её отсутствие «всегда завершается безумием» [12, С. 9, С. 62].

Для того, чтобы избавиться от болезненно-мучительного состояния одиночества, не следует принимать дорогостоящие лекарства, которые сулят мгновенное излечение от чувства непонятности, ощущения несправедливости, приступов гнева. Важно осознавать, что самые действенные таблетки находятся внутри человека – в творчестве его одиночества.

Ярким примером того, как человек может подружиться со своим одиночеством, наполнив его творчеством, является феномен автопортрета, посредством которого художник становится «стартовой точкой коммуникации», т.к. «для создания автопортрета художник должен увидеть себя как бы со стороны, как другого, и вступить с ним во внутренний диалог» [4, С. 68].

Ни в коем случае не стоит избегать неприятного разговора со своим одиночеством, опьяняя себя, например, развлечениями. Необходимо открыться одиночеству навстречу, заглянуть ему прямо в глаза посредством внутренней творческой коммуникации, до предела обнажив фундаментальность своего бытия уединением с неповторимым существом одиночества.

Зачастую человек сам воспитывает своё болезнетворное одиночество как способ защиты от зависти по отношению к тому, кто, вполне возможно, ещё более одинок. Посему только творческое наполнение личностного пространства детерминирует продуктивную природу одиночества. Только в таком случае человек вправе задать себе вопрос: «А может не нужно, чтобы одиночество проходило?»

Список источников и литературы

1. Алебастрова, А. Метафоричность другого в философии одиночества / А. Алебастрова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2012. – Июнь.
2. Бердяев, Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения / Н.А. Бердяев. – Париж: YMCA-PRESS, 1934. – 191 с.
3. Бубер, М. Два образа веры / Пер. с нем. и ред. П.С. Гуревича и др. / М. Бубер. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
4. Гузенина, С. Одиночество творческой личности как проблема междисциплинарных исследований / С. Гузенина // Наука XXI века: Сб. материалов IV науч.-практ. конф. / Педагогика. Психология и социология. – Прага: Образование и наука, 2008. – С. 66 – 69.
5. Демидов, А.Б. Феномены человеческого бытия / А.Б. Демидов. – Мн.: Армита – Маркетинг. Менеджмент, 1997. – 192 с.

6. Круглова, И.Н. Метафизика судьбы как онтология свободы / И.Н. Круглова. – Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2007. – 152 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства и другие работы / Пер. с исп. С. Васильевой и др., ред. Н.А. Матяш / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Радуга, 1991. – 640 с.
8. Рашидова, Т.Р. Одиночество человека. Философско-антропологическое осмысление проблемы: автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. филос. наук (27.12.12) / Рашидова Тамила Ризвановна; МосГУ. – М., 2012. – 19 с.
9. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Пер. с фр. А.А. Санина / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319 – 344.
10. Тиллих, П. Вечное сейчас / П. Тиллих // Вопросы философии / Пер. с англ. Т.П. Лифинцевой. – 2005. – № 5.
11. Торо, Г.Д. Уолден или жизнь в лесу / Пер. с англ. З.Е. Александровой / Г.Д. Торо. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 241 с.
12. Хамитов, Н.В. Философия одиночества. Опыт вживания в проблему. Одиночество женское и мужское / Н.В. Хамитов. – К.: Наукова думка, 1995. – 62 с.